

ЕВГЕНИЙ СИВКОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

#КАССИРША

ЕВГЕНИЙ СИВКОВ

Кассирша

«Автор»

2020

Сивков Е. В.

Кассирша / Е. В. Сивков — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-07794-2

В своей захватывающей книге "Кассирша", налоговый консультант Евгений Сивков раскрывает необычный и вдохновляющий путь обычного кассира завода к вершинам бизнес-мира, в итоге становясь его владельцем. Основываясь на реальных событиях, автор детально и увлекательно излагает, как упорство, интеллект и глубокое понимание экономических процессов могут радикально изменить жизненный путь человека. Книга не только рассказывает уникальную историю успеха, но и демонстрирует, как знания в области налогообложения и финансов могут быть мощным инструментом в достижении невероятных высот в бизнесе. Это произведение будет интересно не только специалистам в области налогов и финансов, но и широкому кругу читателей, ищущим мотивацию и вдохновение в личностном и профессиональном росте.

ISBN 978-5-532-07794-2

© Сивков Е. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Бери от жизни	5
Глава 2. Бандитская юность	9
Глава 3. Береги честь смолоду	13
Глава 4. Стерпится – слюбится	18
Глава 5. По жизни с комсомолом!	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Сивков

Кассирша

Глава 1. Бери от жизни

Если бы я родилась мужчиной, то мой жизненный рубеж, характеризующийся этими двумя цифрами, неминуемо отсылал бы меня к библейской истории.

Для многих представителей сильного пола 33 года являются тем «водоразделом», когда принято подводить первые итоги. К этому времени Спаситель уже закончил со всеми земными делами. И не важно, верующий вы или атеист – мужчине в этом возрасте уже не просто оставаться подростком, думающим, что у него еще все впереди. В этом плане мне было значительно легче. Как правило, женщины взрослеют гораздо раньше, и они свободны от мужского пафоса, требующего осознать свое предназначение.

Мы рождаемся не переворачивать мир вверх тормашками, фундаментально он нас вполне устраивает. Главное – приспособить себя к нему, приспособить его к себе. Поэтому сегодня, в свой День рождения, я могла сравнивать себя разве, что с Марией Магдалиной..., особенно на ранних этапах ее биографии.

Все эти мысли промелькнули у меня в голове пока я разглядывала мускулистое загорелое мужское тело, свободно раскинувшееся рядом со мной на бескрайних просторах кровати. Утро всегда расставляет все на свои места. Солнечный свет беспощадно развеивает ночные иллюзии. Утро – это судья, который взвешивает предыдущий день на бесстрастных весах реальности. На этот раз его приговор был вполне щадящим. Самец был вполне достойным экземпляром, могущим и желающим доставить удовольствие женщине. На самом деле, в России такое встречается гораздо реже. Все же есть в европейской эмансипации свои неповторимые плюсы. Мужчина не чувствует здесь себя хозяином постели. Он равноправный и очень чуткий партнер. Пара находится в одной лодке, у них общая задача – доплыть до берега, и они синхронно гребут, гребут...

У нас же часто бывает так, что мужчины спрыгивают с суденышка и в три, четыре мощных гребка оказываются на пляже, где в одиночку раскидывают натруженные члены под ласковыми лучами.

Не думаю, что мои умозаключения являются конечной истиной, но за те две недели, что я жила в Париже, некоторая статистика у меня накопилась.

Закончив обозревать своего спутника (его звали Андре), я направилась в ванную комнату, где приняла душ, а потом долгое время разглядывала себя. Не скажу, что с зеркалом я была в идеальных отношениях. Как я не старалась, его задобрить правильным образом жизни и различными диетами, с каждым годом оно все меньше отвечало мне взаимностью. Как сказала одна женщина балзаковского возраста: «С возрастом я все больше ощущаю себя куском говядины на полке уцененной продукции: вторая категория, третья...».

Впрочем, при всех сложностях, мне еще было рано поддаваться извечной женской паранойе. Из зеркала на меня смотрела высокая, ухоженная, рыжеволосая, симпатичная девушка с модельными формами тела, чуть вздернутым носом и карими глазами. Придя к успокаивающему выводу, что мое отражение сегодня соответствует среднестатистическим параметрам двадцатипятилетней девушки я накинула халат и вышла в зал гостиничного номера.

Андре, похоже, только что разлепил глаза. Яркая дорожка света, начинавшаяся в промежутке между штор, упиралась в его лицо. Он щурился и сонно улыбался.

– Аннет, ты просто восхитительна! – сказал мой партнер на вполне сносном английском.

– Дамский угодник! Очень хочется надеяться, что это не обычная французская вежливость, – ответила я, чуть распахнув халат.

– Богиня! – не унимался мой собеседник, вставая с кровати и протягивая ко мне свои руки – наш поцелуй был наполнен неподдельной страстью, за продолжением дело не стало...

Уже в лифте, по дороге в ресторан отеля, я подумала, что у меня, наконец, появился шанс закончить с затянувшимся периодом распутного самоуничтожения. Не скажу, что я многое себе на придумывала, но Андре мне определенно нравился. Повод развеять свои иллюзии был как никогда кстати.

– Знаешь, а у меня сегодня День рождения, – задумчиво произнесла я, когда мы садились за столик.

Несколько секунд он растерянно смотрел на меня, а потом улыбнулся ослепляющей улыбкой:

– Поздравляю! Аннет, я так рад, что встретил тебя, мне говорили, что русские женщины необыкновенные, но ты ... сегодня такой день... ты увидишь, какими могут быть французские мужчины! – лицо Андре сияло как начищенный пятак.

Закончив с завтраком, состоявшим из французских пирожных, сыра и кофе, мой спутник, извинившись, сообщил, что оставляет меня в одиночестве до 18.00 вечера.

В назначенное время я вышла из отеля. Из окна шикарного лимузина Андре махал мне рукой. Немало заинтригованная таким оборотом событий, я подошла к машине. Вышедший в лакейской униформе шофер услужливо открыл мне дверь. На все мои расспросы, по поводу нашей вечерней программы Андре, то загадочно улыбался, то без умолку тараторил, рассказывая про свой любимый Париж.

Нужно сказать, что за время, проведенное мной здесь, этот город и для меня стал немного родным. Нет нужды перечислять все его достопримечательности. Я не об этом. Просто поначалу на улицах меня напрягало запредельное количество выходцев из Африки. Никогда не считала себя расисткой, но, ... скажем так мягко, это было непривычно. Иногда от обилия кучерявых, нещадно загорелых индивидов, казалось, что ты находишься в каком-нибудь Зимбабве. От чего, в первые дни, в голове постоянно крутилась известная фраза: «Париж – это город, в котором когда-то жили французы».

Впрочем, уже через неделю я к этому вполне привыкла: афро-французы не жгли костры на улицах, не устраивали потасовок, и не приставали с неприличными предложениями, в основном, отличаясь от европейцев только цветом кожи. Хотя определенные отличия все же были. Я это осознала, когда, наконец, поставила очередную галочку в своем виртуальном дневнике, посетив Лувр. Поначалу я надолго застыла перед большой стеклянной пирамидой, окруженной фонтанами, являвшей собой дополнительный вход в музей. Конечно, я видела ее на картинках и не скрою, как отдельная достопримечательность она выглядела впечатляюще. Но мне всегда казалось полной безвкусицей ставить такое постмодернистское сооружение перед величественным, «ампиро-барочным» зданием самого музея. Несколько минут созерцания данного творения лишь укрепили меня в этом мнении. Но самое большое удивление ждало меня впереди. Через некоторое время хождения по залам, буквально напичканным величайшими произведениями искусства, я вдруг с удивлением осознала, что состав посетителей заметно разнится с тем, что я видела на улицах – было много азиатов, европейцев. Представители негроидной расы почти отсутствовали! Можно было подумать, что Лувр является заповедником сегрегации¹, заброшенным в наше время из американского прошлого, не хватало только таблички: «No niggers and dogs»². Не быстро, но я нашла этому приличное объяснение.

¹ Сегрегация (позднелат. *segregatio* – отделение, обособление, удаление, разделение) – это системное разделение людей на расовые, этнические или другие группы в повседневной жизни.

² «No niggers and dogs» (англ.) – «собакам и неграм вход воспрещен» – надписи перед входом в учреждения, широко представленные в США до середины 60-х годов 20 века.

Поначалу в голове суматошно всплывали только обрывки нацистских псевдо-теорий – низшая раса... культурная неполноценность... И только потом я сообразила, что петербуржцы нечасто ходят в Эрмитаж, а москвичи – в Третьяковку. Большинство посетителей Лувра – туристы. Не многие жители Африки могут позволить себе путешествовать...

Когда наш лимузин подъехал к набережной Сены, Андре распахнул передо мной дверцу и, поклонившись, театральным жестом махнул рукой в сторону реки:

– Ву-а-ля, мадам!

Признаться честно, я поначалу не совсем поняла, в чем заключался следующий акт его постановки: огромные массы народа заполняли все пространство набережной, громко играла танцевальная музыка. Присмотревшись, я увидела, что большинство людей были обыкновенными зеваками, окаймлявшими проезжую часть, по которой нескончаемой вереницей шли вычурно одетые люди.

Между группами выступающих проезжали автомобили, оформленные разноцветными флагами и фанерными щитами. Больше всего они напоминали мне подвижной состав советской первомайской демонстрации. Невольно, я сразу же поддалась праздничной атмосфере. Мне ни разу не приходилось бывать на настоящем карнавале! А тут, надо же, латиноамериканское действо в центре Парижа! Особенно меня впечатлила группа длинноногих, разукрашенных перьями девушек, грациозно, в такт музыке, виляющих бедрами. Впереди шла их «королева» – шикарная блондинка с парой белоснежных ангельских крыльев за спиной.

На несколько секунд зрелище настолько поглотило меня, что я не сразу услышала, как мой спутник настойчиво что-то говорит мне, указывая рукой непосредственно на поверхность реки:

– Аннет, пойдём, нам нужно пробраться к воде. Ты что? Ни разу не видела?

– Нет, у нас тоже праздники бывают, но я никогда не была на карнавале!

– Карнавал?! – изумился Андре. – Это просто ежегодный гей парад. У вас разве нет такого?

– Нет, Андрюша, к счастью, мы еще недостаточно «цивилизировались», – медленно произнесла я по-русски.

Только сейчас я заметила, что «королева» обладала слишком резкими для женщины чертами лица, которые не могла скрыть даже обильно нанесенная косметика. Флаги ... да, как я сразу не догадалась – полосы всех цветов радуги развивались на полотнищах.

В этот момент «пернатая» группа со своей предводительницей уже прошла мимо нас, вслед за ней, браво маршируя, шел полновесный взвод боевых пидорасов (как говаривал в таких случаях мой школьный знакомый), облаченных в короткие, латексные, черные шорты.

– Андре, у нас действительно нет такого ... – произнесла я уже на английском, а затем посмотрела на небольшой речной трамвайчик, в направлении которого он мне так настойчиво указывал.

Через некоторое время, с немалым трудом, пробравшись сквозь толпу возбужденных людей, мы оказались около небольшой пристани. Встречающий нас человек, облаченный в старинную капитанскую форму, поначалу своим видом напомнил мне портрет адмирала Ушакова из школьного учебника. Впрочем, больше всего он походил на лощеного пирата – трубка в углу его рта пускала витиеватые струйки дыма, на плече сидел попугай. «Адмирал» бодро улыбнулся, произнес несколько фраз на все еще непонятном для меня французском, и жестом пригласил нас на судно. В этот момент музыка с набережной стала еще громче. Я обернулась и увидела, что огромные грузовики, набитые до отказа веселящимися меньшинствами и акустическими системами, медленно двигались друг за другом. Над каждым из них, кроме радужных полотнищ, трепетал флаг страны – Англии, Швеции, Испании, Германии ...

Когда мы вступили на борт, мне открылась просторная палуба, украшенная цветочными гирляндами. Посреди стоял стол, богато сервированный на две персоны.

Чуть поодаль расположилась стойка камерного оркестра. Чопорный официант в камзоле и напудренном парике положил предо мной винную карту и застыл в услужливой позе.

– Милая, ты что предпочитаешь? – Андре нежно заглядывал мне в глаза.

– Не знаю, давай начнем с обычного шампанского – «Асти. Брют». А потом, можно продолжить белым на твой вкус.

Андре сделал заказ, назвав ничего для меня не значащее сочетание французских слов. Лакей мягкой походкой направился в служебное помещение. Вскоре он вернулся, неся бутылку вина и ведро с шампанским.

Когда янтарная жидкость уже была разлита по бокалам, проснулся оркестр, заиграв Вивальди.³

– Аннет, желаю, чтобы этот день надолго остался с тобой. Я не мастак говорить длинные фразы... – Андре немного покраснел и споткнулся на полуслове, – ...за тебя!

Я зачарованно смотрела на его красивое, мужественное лицо. Воздух был наполнен божественной музыкой и нежными ароматами роз. Наше судно медленно проплывало мимо величественного собора Парижской Богоматери. Теплый августовский вечер нежной вуалью ложился на великий город. Только сейчас я почувствовала, что комок, сплетенный из обид, злости и отчаянья, сидевший у меня внутри, начал съезживаться, уменьшаться в размерах. Только сейчас я позволила себе подумать, что в колоде судьбы для меня еще может быть припасена карта под названием «женское счастье».

– Я, наверное, прошу слишком многого.... Скажи мне, что все это... завтра не закончится, – я отвернулась, еле сдерживая слезы.

Купола собора остались далеко позади. Опадающее солнце медленно исчезало за крышами домов...

³ Антонио Лучо (Лучио[1], Лючио[2]) Вивальди (итал. Antonio Lucio Vivaldi; 4 марта 1678, Венеция – 28 июля 1741, Вена) – итальянский композитор, скрипач-виртуоз, педагог, дирижёр, католический священник. Вивальди считается одним из крупнейших представителей итальянского скрипичного искусства XVIII века[3], при жизни получил широкое признание во всей Европе. Мастер ансамблево-оркестрового концерта – концерто грассо, автор около 40 опер. Вивальди в основном известен благодаря своим инструментальным концертам, в особенности для скрипки. Одними из наиболее известных его работ являются четыре скрипичных концерта «Времена года»[3][2], входящие в состав цикла «Спор гармонии с изобретением (англ.)русск.».

Глава 2. Бандитская юность

Жаркий, душный, июньский день. Пыльные листья деревьев, тополиный пух лезет в ноздри. Сигарета. Третья подряд сигарета. Я сижу на бордюре. Рядом на корточках расположились пацаны – двенадцать человек. Почти все курят. Бура – наш «паровоз»⁴ возвышается над нами, нервно меряя тротуар шагами.

– Значит, так, прямо сейчас поднимаем всех, кого сможем. Ситуация хреновая... Лом в больнице... жить будет. Болотовские по-беспределу его на перо поставили, так что деваться некуда. Стрелка на девять вечера забита. Лиса, ты остаешься дома. Есть вопросы?

– Да, ты че? Умный самый? Как телок подгонять – Лиса, пожалуйста! Как шмаль достать – Лиса помоги! А как впрягаться за друзей... – я встала и подошла к Буре почти вплотную, задрав голову и смотря ему прямо в глаза.

– Слушай, рыжик, я же о тебе думаю, у нас ведь ты одна – боевая подруга. Или скажешь, мало ты с нами на разборки ходила? Помнишь, как в прошлом году тебе чуть нос не сломали? Нет, я все понимаю, ты баба горячая, но тебе ведь еще рожать... дура безбашенная! Или что, мне тебе объяснять, что из себя представляют эти отморозки?

– Все равно пойду, – я топнула ногой и отвернулась.

– Ладно, с тобой потом порешаем, – Бура смачно сплюнул на асфальт. – Пацаны, вы что скажите?

– Вольту⁵ брать? – высокий, худой парень, по кличке Фитиль, подал свой голос.

– Бери, чего уж ... договорились, конечно, но сами понимаете... на месте разберемся.

– Сколько их будет? – раздался густой бас Саввы из-за моей спины.

– В прошлый раз, когда они с автозаводскими разбирались, говорят, что пятьдесят человек привели.

– Мы не больше тридцати выставим... – Савва встал в свой немалый рост, расправив свои могучие плечи бывшего борца.

– Прошерстите этих малолеток с четырнадцатого и семнадцатого домов, они давно рвались ... В любом случае, всем понятно, что мы по бойцам Болотовским не равня... Так, есть еще что, по делу? – Бура пристально оглядел свою команду.

– Тогда, если все понятно, встречаемся в семь часов вечера у железнодорожного вокзала. И еще – не бухать! Кого увижу пьяным, того так отделаю, что мало не покажется! – бригадир потряс своим здоровенным кулаком.

Вечерний вокзал как обычно напомнил мне суматошный улей. Группы людей, обложенные со всех сторон баулами, чемоданами и пакетами, оккупировали скамейки. Отъезжающие длинными очередями осаждали прибывшие поезда. По перрону взад и вперед сновали торговки всевозможной снедью⁶. Изредка, неспешной походкой, дефилировали милицейские патрули. В воздухе стоял базарный гвалт⁷, пахло углем, семечками и сигаретным дымом. Наша гопбригада кучковалась непосредственно у здания пригородного вокзала. Я стояла в плотной толпе мальчишек, являя собой редчайшее зрелище представительницы слабого пола среди рядов закаленных, уличных бойцов.

– Ну, я смотрю, почти всех подтянули, – Бура производил осмотр наличествующих сил.

⁴ Паровоз (жарг.) – командир уличной подростковой группировки.

⁵ Вольты (жарг.) – пистолет.

⁶ Снедь- Пйша (еда) – то, что едят, чем питаются[1] – любое вещество[2], пригодное для еды и питья живым организмам для пополнения запасов энергии и необходимых ингредиентов для нормального течения химических реакций обмена веществ: белков, жиров, углеводов, витаминов, минералов и микроэлементов.

⁷ Гвалт – разг. крик, шум (обычно голосов людей или животных)

– Кислого родаки в темной комнате закрыли. Винт со вчерашнего отойти не может – отравился брагой, а так, почти все – тридцать три человека, – отозвался Савва.

– Все хорошо, только вот, Лиса, ты все же зря сюда причалила, коза упертая! – бригадир посмотрел на меня неодобрительным взглядом, – Фитиль, Зёма отвечаете за нее головой, – он указал пальцем на двух парней, сидевших на корточках возле урны.

– Опять с тобой один геморрой, – Зёма встал и развязано положил руку на мое плечо. – А может, ее ментам сдадим? Думаю, они по ней уже соскучились... посидит ночку в КПЗ для своего же блага...

Договорить он не успел, так как в следующее мгновение уже согнулся пополам, держась за живот, и глухо матерясь:

– Вот, сука, Лиса, я же пошутил... – пацаны весело заржали, ехидно сочувствуя больному.

– Хорош базарить, электричка через пять минут, – Бура бросил недокуренную сигарету и расплющил ее об асфальт подошвой кроссовка.

Вскоре, сквозь протестующие выкрики, оттеснив столпившихся у дверей пассажиров, наш отряд уже благополучно размещался в поезде. Несмотря на толкотню в вагоне, возле нас образовалась пустое пространство из незанятых сидячих мест.

Через одну остановку нам нужно было выходить. Поезд как раз начал замедлять ход, когда в вагон пришли проверяющие. Немолодая женщина с оплывшим лицом и красной нарукавной повязкой попросила предъявить билеты. Замешательство длилось недолго. Встретившись с нашими угрюмыми взглядами, транспортному работнику хватило рассудительности не повторять просьбу – опустив голову, и бормоча ругательства, она двинулась дальше. Станция, на которой мы вышли, являла собой разительный контраст городской суете – неспешность поселковой жизни сквозила в движениях людей, казалось, даже природа соответствует сонному ритму – ветер, резвившийся в столице опал до уровня легкого бриза.

Пройдя вдоль железнодорожного полотна метров четырехста, мы оказались на небольшом лугу, начинавшемся прямо от насыпи. Неподалеку темнел лес. Шутки, которыми мы обменивались всю дорогу внезапно смолкли. Как оказалось, они только скрывали сильнейшее нервное напряжение. Только сейчас я почувствовала, как у меня стало шекотать в животе. Из леса начали выходить люди. Они все прибывали и прибывали. Через пару минут перед нами уже стояло не меньше пятидесяти коротко стриженных парней, вооруженных кольями и цепями. Один из них – смуглый, квадратного вида, сделал несколько шагов вперед, после чего Бура отделился от нас и пошел ему на встречу.

– Салют, железнодорожникам! – квадратный протянул руку нашему «паровозу».

– И вам того же, Грузин. Смотрю, не пересохло еще болото, – сдержанно ответил Бура, здороваясь.

– У нас все путем, не беспокойся, а вот вы, похоже, по сусекам скребли... Лису притащили. Ей что со своим трахаться надоело – решила из болота хлебнуть? – Грузин задорно цокнул языком, кивая в мою сторону.

– Трахаются подстилки ваши, ты что-то попутал, видать по башке в прошлый раз не слабо прилетело ... – я сделала шаг вперед.

– Спокойно! – Бура развел руки, попеременно смотря то на меня, то на «паровоза» Болотовских. – Ты лучше скажи мне, Грузин, отчего вы вооружились как на Первомайский парад? Ведь договаривались же...

– Договор... уговор... Не мне тебе объяснять – всякое бывает. Ты, конечно, пацан чёткий ... но мало ли ... на всякий случай.

– Ну и мы – на всякий случай, – Бура достал пистолет Макарова и передернул затвор.

– Лады, – Грузин повернулся к своим и махнул рукой.

Вслед за этим, наши противники пришли в движение, складывая в кучу свои боевые принадлежности.

– Ну, что – понеслась! – кулак Грузина сделал в воздухе молниеносную запятую, обрушившись на лицо нашего бригадира...

На что похожа уличная драка? Нет, никогда ты смотришь ее со стороны, а когда ты ее непосредственный участник. На самом деле, находясь внутри, человек не осознает, сколько людей принимают участие в потасовке. Не осознает. И, как правило, почти не чувствует боли. Для тебя все ошалелое действо дробится на частные фрагменты – ситуации, в которых участвуешь именно ты: вот я уклоняюсь от удара прыщавого паренька и специальным, с железной набойкой носком ботинка попадаю ему в пах; вот я кидаюсь под ноги еще одному, Фитиль толкает его и тот катится кубарем; вот кто-то хватает меня сзади – я не могу вырваться и мне помогает Зёма; вот что-то твердое ударяется в мой затылок, я падаю... На несколько секунд у меня все поплыло перед глазами. Потом раздался выстрел, потом еще два. Затем несколько крепких рук взяли меня за руки, за ноги и куда-то понесли, лицом вниз. Несколько минут грязного мата и отчаянного извивания телом не принесли мне освобождения. Вскоре я затихла, отдавшись своей участи. В голову лезли всякие мысли... нехорошие мысли...

Несмотря на неудобное положение, через некоторое время я смогла разглядеть, что меня принесли на лесную опушку, заставленную палатками, а затем поставили на ноги. Я увидела перед собой того паренька, которому угодила между ног, рядом стояли еще трое. Они криво улыбались, в их глазах разгорались похотливые огоньки.

– Только попробуйте! Я... – матерчатый кляп не дал мне договорить.

Вскоре, с повязкой на лице и связанными конечностями, я уже терла животом брезентовый пол палатки. Чьи-то руки по-хозяйски прошлись по моей одежде ниже пояса:

– Подожди, красавица, немного – мы скоро... обещаю, ты еще не испытывала такого! – до меня донесся картавый, со сладострастным придыханием голос.

Наверное, прошло не меньше получаса, когда я услышала приближающиеся шаги, а затем шорох раздвигающегося брезента. Кто-то выдернул у меня кляп и начал развязывать руки.

– Клянусь! Клянусь! Вам вырвут яйца и засунут ваши сморчки вам же в рот! – экспрессией моих слов казалось можно было запалить всю поляну.

– Расслабься, – услышала я знакомый голос, повязка спала с моего лица, давая возможность лицезреть подбитую на оба глаза физиономию Фитиля.

– Нежданчик – да, Лиса? – мой спаситель отчаянно улыбался помятым лицом. – Сказали, что я за тебя головой отвечаю – вот ответил, – продолжил он, указывая на синяки.

– Раньше надо было отвечать! Меня здесь чуть не изнасиловали! – выкрикнула я срывающимся голосом.

– Ну, все хорошо... все хорошо... – Фитиль по-дружески обнял меня.

Когда мы вышли из палатки, я увидела, как в лагерь собирается народ. Пацаны обеих бригад – кто в изодранной одежде, кто, прихрамывая, медленно наполняли поляну.

А потом... потом были общие посиделки у костра под аккорды блатных песен. На самом деле, такой исход событий был обычным, рядовым явлением – все мы тогда еще были по большому счету одной большой уличной семьей. Шел 1990 год, и во многом еще сохранялись старые, советские традиции, где драки были не кровавой борьбой за контроль над бизнесом, а больше эдаким развлечением – способом показать свою удаль. Старые русские забавы – стенка на стенку. Конечно, бывало всякое, но смертельные случаи во время таких потасовок были исключительным форс-мажором. Уже скоро этот пласт уличной культуры уйдет в небытие – трупы будут считать десятками... сотнями.... Но, в тот раз все еще было по-советски, так сказать, лайт-вариант – из пистолета стреляли в воздух, в ответку никто не палил. Просто выстрелы были восприняты как некий запрещающий знак – дальше все – смерть. Ее не то,

чтобы боялись – скорее старались избегать без лишней необходимости, привычки убивать еще не было.

В середине вечера ко мне подошел парень, подкованный моим железным носком, он извинялся, говорил, что на самом деле у него и в мыслях не было, мол это он мне так мстил за подлый удар. «Ой, не знаю, не знаю, – подумала я тогда. – Верится с трудом...»

Когда большинство пацанов разбрелось по палаткам, я, Бура и Грузин остались втроем, и Болотовский «паровоз» еще долго уговаривал меня перейти в их группировку. Обещал нашим контроль над ларьком в качестве отступных, а мне новые «Жигули».

– Ты что, Грузин, сватаешься так? – подначивала я его.

– А, хоть бы и так, Лиса. Я на тебя давно смотрю – мне как раз такая подруга нужна – боевая, правильная, непьющая!

– Подруга?!

– Да, хоть бы и жена – как скажешь...

Глава 3. Береги честь смолоду

Редкие порывы ветра, налетавшие со стороны пруда, срывали рано пожелтевшую в этом году листву. После холодного, дождливого августа, сменившегося еще более отвратительным сентябрем, никто уже не предполагал, что погода этой осенью еще способна на приятные сюрпризы. Но, неожиданно небесная канцелярия смиловалась, и первые октябрьские дни выдались на славу – на дворе стояло запоздалое бабье лето – яркое солнце, плюс семнадцать.

Летний сад – излюбленное место отдыха горожан был переполнен людьми, ловившими нежданно свалившуюся на них благодать. По широкой аллее шел высокий, темноволосый парень, в кожаной куртке тонкой выделки и фирменных кроссовках. Его спутница отличалась огненно-рыжими волосами и спортивной фигурой, подчеркнутой вареными джинсами и облегающей ветровкой.

– Знаешь, Аня, вот смотрю на тебя и все думаю – ты же не такая как мы, это не твоя дорога ... – Фитиль серьезно посмотрел на меня.

– Не знаю, может быть..., понимаешь, мне никогда не было интересно играть с девчонками в куклы-муклы. Еще в детском саду, я постоянно носилась с мальчишками, играя в казаки-разбойники. В нашем частном секторе ребята со скрипочками являются огромной редкостью. Вот я и связалась с вами, с шантрапой! Бытие, так сказать, определяет сознание!

– Чего? Ну, ты иногда загнешь, мать!

– Расслабься, про диалектику я тебе рассказывать не буду, – ответила я, едва сдерживая смех.

– Вот, опять – «диколептика»! Ты же сама все видишь. Я, наверное, тебя лучше всех знаю. Большинство пацанов и не догадываются, что ты можешь хоть целый час такими мудреными словами разговаривать! Они смотрят на тебя просто как на красивую девчонку. Для них ты всего лишь правильная «герла», которую не плохо было бы трахнуть, – Фитиль криво улыбнулся.

– Понимаешь, мне с вами интересно... Не все вы, конечно..., дерьма и в нашей команде хватает, но большинство из вас – настоящие, смелые, мужественные. Для меня это основная характеристика мужчины – вы воины. Вот взять тебя, к примеру...Такая вот блатная романтика! Затянули в криминальные сети, ироды, невинную овечку! – произнесла я, игриво надув губы. – Кстати, я действительно пользуюсь таким успехом?

– А то ты и сама не знаешь? Ты у нас – принцесса! Тот же Грузин...тогда вовсе не пьяный базар был, он на полном серьезе тебе предлагал – пацаны рассказывали.

– Ладно, принцесса, так принцесса, пойдем на каруселях кататься! – я схватила своего спутника за руку, увлекая его к аттракциону «Сюрприз».

После «Сюрприза» последовало «Колесо обозрения». Я всегда любила смотреть на город с высоты, забираясь на крыши самых высоких зданий. Мне нравилось наблюдать, как натружено дымят трубы заводов на окраинах, обозревать зеркальное блюдце пруда, раскинувшееся посреди построек.

Мы поднимались все выше и выше. От усилившегося ветра мне стало зябко, и я прижалась к Андрею.

– Знаешь, я больше не буду называть тебя Фитилем, во всяком случае, когда мы с тобой вдвоем, – расстояние между нашими лицами стремительно сокращалось.

– Ты, чего, Лиса... Аня, серьезно? – мой спутник ошалело смотрел мне в глаза.

– Серьезно, принцессы не обманывают, – сказала я, и наши губы соприкоснулись....

Потом мы еще долго гуляли по городским улицам, рассказывая друг другу всевозможные истории из детства. Я казалась себе немного пьяной – это был первый поцелуй в моей жизни – поцелуй на высоте пятидесяти метров! Не знаю почему, но Андрей выглядел немного

смущенным... Темнота застала нас возле дома культуры Машиностроителей. У центрального входа клубилась пестрая подростковая толпа.

– О, я смотрю, Лиса мужа выбрала, наконец! – выкрикнула моя подруга Илона.

Взоры большинства ребят тут же устремились в нашу сторону, раздался громкий ропот: «Ничего себе... Фитиль – везунчик! Охренеть... Лиса сдалась!...»

– Спокойно. Всем лежать, бояться! – шутливо сказал Андрей, заводя меня внутрь здания.

Сегодня была дискотека, в доме культуры присутствовала заметная часть подросткового населения города, так, что несколько минут мы только и делали, что непрерывно здоровались и обнимались. Естественно были ребята и из нашей группировки, примерно, в количестве двадцати человек. Вскоре мы уже плотным дружеским кольцом расположились в одном из углов танцевального зала, находившегося на втором этаже. В нашей команде сегодня дебютировал новый игрок – Илона. Она явно чувствовала себя не в своей тарелке – все время смотрела куда-то вдаль и старалась держаться ко мне поближе. Впрочем, ей еще предстояло сыграть свою «звездную» роль в событиях того вечера.

Когда замерцала светомузыка, под потолком, отражая свет сотнями граней, заискрился зеркальный шар, и тут же колонки разродились первыми аккордами одной из загадочно-романтичных мелодий «Энигмы». После окончания песни, я спустилась в холл для того, чтобы позвонить бабушке. Она в последнее время плохо себя чувствовала. Боюсь, что в этом отчасти была и моя вина... Я только закончила разговаривать, когда услышала, как очередная композиция оборвалась, едва начавшись – сверху послышался шум. Поначалу была слышна только непонятная возня, затем послышался звук битого стекла. Несколько совсем еще зеленых пацанов вышли из туалета и быстрым шагом направились вверх. Один из них, с едва знакомой физиономией, на секунду задержался, торопливо бросив:

– Что, уже началось?

– Да, чтоб вас ... малолетки грёбанные! Отдохнуть не дадите! – зло прошипела я. – Моё сегодняшнее настроение никак не располагало к участию в драке.

Не прошло и нескольких секунд, как в холл вбежало с десятков парней, одетых в костюмы. На лацканах их пиджаков маленькими железными пуговками блестели значки комсомольского оперативного отряда. Вадик (старший из них) подошел ко мне и тихо процедил:

– Допрыгались твои... сегодня просто так не отделаетесь!

Я промолчала, смерив его надменным взглядом. После того, как комсомолцы поднялись на второй этаж, шум потасовки как будто начал стихать. Даже подумалось, что возможно все еще обойдется, но вскоре мои благостные мысли были вдребезги разбиты дружным визгом, сотканным из десятков женских голосов. «Ну, все! Раз бабы кричат – уводите крольчат!», – пронеслось в голове. Через несколько секунд поток разгоряченных девчонок хлынул на второй этаж и начал хаотично двигаться по залу – кто жестикулировал, кто матерился, кто продолжал голосить. Из толпы появилась Илона и бросилась ко мне. По ее веснушчатому лицу текла косметика.

– Аня, там такое... окно вдребезги стулом разбили. Диск-жокею микрофоном по голове...

– Не переживай ты так. Ишь расплакалась! Что, ни разу драку не видала?

– Видала, Лиса, мы же привычные, – поначалу девушки только к стенкам прижались и глазели по сторонам. Некоторые даже громко подбадривали своих парней, как на хоккейном матче, но потом ... жестко сегодня там было.

К тому моменту как она закончила говорить, наверху неожиданно все успокоилось, и в зале начали появляться непосредственные участники драки.

Большинство из парней выглядело вполне приемлемо – лишь у пары человек я увидела разодранную одежду, у одного с рассеченного лба шла кровь. Вскоре показались и юные помощники милиции – они под руки вели четырех человек, был среди них парень и из нашей

команды. Процессию, как положено командиру, возглавлял Вадик. Он морщился и злобно смотрел по сторонам, приложив ладонь левой руки к своему глазу.

– Досталось партактиву! – ехидно заметила Илона

– Не повод радоваться, теперь и мы огребем... – медленно произнесла я, когда увидела идущего в нашу сторону Вадима.

– Лиса, где Фитиль? – металлом в его голосе можно было забивать гвозди.

– Смею вам заметить, что к рыжему, пушному зверьку я имею очень опосредованное отношение. В связи с чем, прошу Вас впредь соблюдать протокол, приличествующий Вашему положению, и называть меня не иначе, как Верониной Анной Михайловной. Впрочем, учитывая ваше нестабильное эмоциональное состояние, могу пойти вам на встречу и позволить называть себя просто Анной.

После моих слов, лицо Вадима перекосила жуткая гримаса. Но, надо отдать ему должное – он быстро совладал с собой, и последующие его слова были почти ласковыми.

– Красивая ты девушка, Аня, только бедовая... Повторяю, где Фитиль? Я знаю, он был здесь.

– Ты чего пристал ко мне? Мы с ним детей не крестили! Откуда мне знать?

Комсомольскому активисту явно хотелось ответить мне тем же тоном, но он только пристально посмотрел на меня, а затем, повернувшись, громко огласил на весь зал:

– Все выходы из здания заблокированы – ждем милицию. Прошу не беспокоится – невиновных задерживать не будут.

«Хорошо, что с нами Бура не пошел, на нем условный и так уже висит», – подумала я в тот момент.

Следующие полчаса были насыщены подробным разбором произошедшего. Версии разнились сильно! В итоге я пришла к выводу, что драку затеяли Центровские, вспомнив, что именно к этой группировке относились малолетки, вышедшие из туалета. Относительно Фитиля выходило, что это именно он ударил Вадима, заблокировавшего теперь выход из танцзала. Затем ему видимо удалось скрыться через запасной выход. Правда, была одна странная деталь – наши ребята почему-то называли Андрея Фантомасом, а на все мои расспросы только ржали в ответ.

Когда приехала милиция, то скорое дознание во многом свелось к пустой формальности. В групповых драках крайне сложно найти зачинщиков и особо рьяных участников. В итоге, стражи порядка забрали с собой четырех человек, схваченных комсомольцами, приплюсовав к ним с десятка самых авторитетных парней.

– Ну что, не отпало еще желание? – я весело подмигнула Илоне. На дворе стояла октябрьская ночь. Сквозь белесую дымку, ярко подсеченную луной, проглядывали звезды.

– Н-е-е-е-т, я же решила... – неуверенно протянула подруга, смотря по сторонам, – а как же мы без Фитиля поедем?

– А, вон он идет – Фантомас! – по безлюдному пустырю, что вел к пруду, к нам быстрым шагом приближался парень. В том месте, где должно было белеть его лицо, находилось черное пятно.

– Мамочки! – Илона вскрикнула и прижалась ко мне.

– Привет, девчонки, – услышали мы голос Андрея, увидев, как он стягивает что-то с головы.

– Вот – незаменимая вещь, – Фитиль протянул нам чулок, – не то, чтобы стопроцентная гарантия, но помочь иногда может.

– В этот раз не очень прокатило – узнали тебя.

– А вот это им придется еще доказать – одет я был как все: рубашка, джинсы.

– Кстати, прохладно становится, – я достала из пакета кожаную куртку.

– Спасибо. Соображаешь! – обрадовался Андрей.

– Еще бы! Все благодаря моему честному лицу и навыкам убеждения – гардеробщица поверила, что это одежда моего брата, забранного ментами, – мои слова были наполнены неопишуемой гордостью. – И, что ты теперь всегда эти женские причиндалы с собой носишь? – продолжила я, улыбаясь во все лицо, и указывая на чулок.

– Да нет, по мере необходимости, – потупившись, сказал Андрей.

– Чего засмущался? Все равно тебя не брошу, потому что ты хороший! – я бросилась Фитилю на шею.

– А, может, пойдем уже машину ловить? Потом пообнимаетесь, – подала голос Илона.

– Да, девчонки, ловите. У вас шансов больше. А я типа, сам по себе – в сторонке курю, – поставив меня на землю, Фитиль чиркнул зажигалкой...

Расплатившись с водителем, мы вышли на узкой, глухой улочке, заставленной деревянными домами. Удивительно, но в черте нашего индустриального города «деревенских оазисов» было предостаточно. Постучавшись в окно большой бревенчатой избушки, мы ждали недолго. Вскоре, хозяин дома – Зёма уже открывал нам дверь, ведущую во двор.

– Здорово! А мы вас уже и не ждали! – обычно сдержанный Зёма был переполнен восторгом, что указывало на заметную степень его опьянения.

– Знакомьтесь – Илона, – сказала я, указывая на подругу, когда мы вошли в комнату.

За столом, уставленным редкой снедью и бутылкой самогона, располагались Савва и Света – его подруга. После того как они представились, в ответ вся дружная компания принялась за еду.

– Давайте штрафную! Вам догонять надо! – сказал Савва, наполняя до половины два стакана мутной спиртовой жидкостью, – а это тебе, Лиса, – он поставил на стол бутылку лимонада...

Уже близилось утро, когда после жарения шашлыков и похода в баню, наша утомленная компания начала попарно расходиться по комнатам. Первыми нас покинули Савва со Светой. Вскоре Зёма увлек за собой Илону, прилично принявшую на грудь. Мы с Андреем остались последними, целуясь на крыльце. Все было замечательно, но странная мысль не давала мне покоя – все время казалось, что мой возлюбленный пытается сохранить некоторую внутреннюю дистанцию. Когда наши поцелуи незаметно переместились в спальню, Андрей слегка отстранился и произнес:

– Знаешь, не надо нам этого делать.... У тебя ведь никого еще не было... Рыжик, я уже говорил, что это не твоя дорога ... Если сейчас мы с тобой ... это сильно привяжет тебя. Я же понимаю, что мне так и так тюрьма светит. Надеюсь, конечно... сейчас такие перспективы, столько бабла можно на барыгах срубить... Это уже не фигнёй страдать – по улицам гоп-стопам заниматься, дела близятся серьезные... Но, Лисенок, не нужно это все тебе -быть женой бандита.

– Что ты несешь, Андрей! Почему ты решаешь за меня? Все будет хорошо! Ты же умный – не вечно будешь бандитствовать. Подымешь денег, свой бизнес откроешь! Я люблю тебя! – со всей пылкостью молодости я прижималась к нему, пытаюсь поцеловать.

– Я тебя тоже ... Ложись спать, Аня, я на кухне переночую, – с усилием произнес мой возлюбленный. От его слов веяло болью, нежностью и печалью одновременно...

Уже начало светать. Я лежала на кровати, немигающим взглядом уставившись в потолок. Слова Андрея огненными буквами стояли перед моим внутренним взором. По моим щекам текли слезы ...

Второй причиной моего бодрствования являлось то, что в доме была отличная акустика и тонкие перегородки. «На пятый заход пошли», – подумалось мне, когда в очередной раз скрип и стоны начали достигать апогея.

Проснувшись около одиннадцати, я вышла в зал. В зале никого не было. Дверь в комнату, где ночевала Илона, была приоткрыта – в углу валялась скомканная простыня в обильных кровавых пятнах.

Почему будучи едва знакомой с Зёмой она пошла на это? Не думаю, что это была любовь с первого взгляда. Наверное, дело в банальной неуверенности. Я никогда не понимала ее, но Илона сильно страдала, видя, что у всех ее подруг (кроме меня) уже были взрослые отношения с мужчинами. Она чувствовала себя белой вороной!

На самом деле, никто на нее пальцем не показывал, не подходил, бросая презрительно в лицо: «Целка!» Все это было только у нее в голове. Хотя, возможно, дело не столько в девственности, сколько в том, что она просто не видела для себя другого способа завести парня. И в определенном смысле ее план сработал – потом еще около года, она могла говорить себе с гордостью: «У меня есть мужчина!» Вопрос был только в том, что Зёма встречался не с ней одной, используя ее как дешевый, запасной вариант.

Когда я вышла на улицу, то обнаружила, что вся компания собралась около мангала. По оживленным репликам ребят можно было догадаться, что вечеринка плавно перетекла в утренник. Все были так увлечены разговорами, что не сразу заметили, как я подошла, став невольным свидетелем Светкиных откровений, которая тихо выговаривала Савве: «Посмотри, Зёма всю ночь, как станок работал! А ты – кое-как один раз и – на боковую!»

– Андрей, поехали домой, – сказала я на ухо своему несостоявшемуся кавалеру. Затем взяла его за руку и потянула за собой...

Глава 4. Стерпится – слюбится

Родившись в промышленном городе, с подросткового возраста я была отдана во власть его пыльных (грязных, в зависимости от времени года) улиц и однотипных дворов. Не скажу, что мной никто не занимался. Но, когда мне исполнилось семь, моя мать решила заняться обустройством своей личной жизни. Я в эту жизнь встраивалась с трудом, поэтому меня переселили на жительство к ее родителям. Они души не чаяли в своей любимой внучке. Я всегда чувствовала себя с ними на много комфортней, чем с матерью, постоянно срывававшейся на мне. Так что переезд к бабушке с дедушкой тогда был для меня только в радость. Мой дед – бывший военный летчик уделял мне почти все свободное время. Я была избалована походами в кино, цирк, театр и зоопарк. По выходным мы вместе ходили на мотогонки. Моя бабушка – представительница дворянского рода, обедневшего еще до революции, преподавала в школе. Она была уже на пенсии, но не представляла свою жизнь без любимой работы. Именно благодаря ей, я научилась читать еще в пятилетнем возрасте, а впоследствии по-настоящему полюбила поэзию и литературу. Учеба в школе мне давалась легко – до седьмого класса была отличницей. Да и потом, напрочь забросив выполнение домашних заданий, умудрилась закончить обучение без троек. Мать тоже не забывала обо мне – приходила по субботам, всякий раз с пакетом, наполненным разными вкусностями и подарками. Так все шло своим чередом, но по мере взросления, мой неумный, боевой характер все больше давал о себе знать. У стариков с годами сил не прибавлялось, а я только набиралась подросткового упрямства. Примерно, с седьмого класса все вечера напролет я пропадала на улице. Именно тогда я почувствовала себя своей в компании мальчишек, с которыми мне предстояло впоследствии многое испытать. Мне нравились эти задиристые ребята, нравилась их жизнь, насыщенная всевозможными приключениями.

Почему я была не такой как большинство девочек? Наверное, немалую роль сыграла папина наследственность – он был на четверть цыган. Так что, можно сказать, – жажда страстей была у меня в крови. К тому же, среди мальчишеской компании я была единственным представителем слабого пола. И, несмотря на то, что они считали меня «своим парнем», конечно же, особое отношение со стороны ребят чувствовалось. Для маленького человека только родители являются теми незыблемыми гигантами, которые могут дать ему уверенность в своих силах. Уверенность, что он нужен, любим. К сожалению, от матери я всего этого не получала, а с отцом они расстались, когда мне было ещё три года. И, как бы меня не любили мамыны родители, их чувства не могли полностью заполнить ту черную пропасть ненужности, что зияла у меня внутри. В этом плане для меня улица являлась эдаким эрзацем, позволяющим ощутить свою исключительность, необходимость. Здесь я была настоящей королевой, жадно впитывающей любовь своих подданных. Осознавала ли я, что нахожусь в «плохой компании», что наши поступки зачастую расходились с законом? Конечно, но тогда все это казалось детской шалостью – азартной игрой, преисполненной адреналина.

По окончании восьми классов, я решила, что дальнейшее обучение в школе – занятие только для отчаянных задротов. В этом вопросе со мной были солидарны большинство парней с улицы. На тот момент мои представления о том, чем я хочу заниматься в жизни, были радужными и расплывчатыми одновременно, как бензиновое пятно на асфальте. Хотелось быть автогонщиком или летчиком... Именно тогда у меня состоялся очередной серьезный разговор с дедом, запомнившийся на всю жизнь. Он настаивал, чтобы я доучилась, а потом пошла в институт. В заключение своей длинной речи, исчерпав все аргументы, и убедившись, что меня и обухом не перешибить, дед долго молчал, а потом выдал фразу, охарактеризовав свое видение моей дальнейшей жизни. Последними словами его монолога были: «...как подзаборная шляха».

Потом еще был душевный разговор с бабушкой и истеричная сцена с участием матери, наконец, решившей принять участие в моем воспитании. Некоторым компромиссом всех перипетий стало мое последующее обучение в Индустриальном техникуме по специальности: экономист.

Когда мне исполнилось восемнадцать, я, как раз, перешла на последний курс. Будущее для меня все еще было туманно, но уже не так радужно... После того случая с Фитилем, я стала заметно меньше проводить времени с ребятами. Его поступок заставил меня серьезно задуматься, во многом изменив мои интересы – появились настоящие подруги, я стала больше читать. Но с личной жизнью все как-то не складывалось, и причиной тому был опять же Андрей. Я ждала его, все еще надеялась...

На дворе стоял 1992 год – период ожесточенного, шального вневременья, в который провалилась наша страна. Не скрою, несмотря на все мои внутренние изменения, в то время я еще продолжала пользоваться своими криминальными связями. Тяжело было отказаться от легкого заработка – мои товарищи всерьез занялись рэккетом. Я успокаивала себя тем, что моя работа не входила в жесткое противостояние с уголовным кодексом – передача налички, информации. Впрочем, не стоило себя обманывать – «замазана» я была прилично – нельзя быть «немножко беременной». Поэтому, несмотря на обезболивающие уколы в виде шальных денег, с каждым днем тяжёлые предчувствия все настойчивее терзали меня – я понимала, что это путь в никуда. Не просто в оптимистических тонах описать то, что дальше могло со мной произойти, если бы тогда не появился ОН. Знаю одно – дед сильно во мне ошибался – подзаборной шлюхой я бы не стала точно.

Мелькающие столбы, лес, заснеженная равнина, придорожные станции. Мерно покачивающийся вагон поезда. Перестук колес. А главное – движение! Цыганская часть моей души была безмятежна – перемещение поезда компенсировало собой ее постоянные внутренние метания.

Ощущая себя неподвластной волнениям и заботам, я лежала на нижней полке и читала «Три товарища» Ремарка. Своей неожиданной поездкой я была обязана отцу. Две недели назад от него пришло письмо, что он уезжает на заработки в Испанию. И хотя мне довелось быть у него этим летом (он жил на Украине), намеки в его послании предполагали, что он может остаться за границей очень надолго я не могла не приехать. «Завтра я буду дома» – подумала я, погружаясь в сладкую дрему.

– Салют, братьям славянам! Как там хохлы? Сало, небось, из ушей лезет! – при выходе из поезда Фитиль принял мою дорожную сумку и подал руку.

– Ще не вмерла Украина! – нараспев протянула я слова гимна незалежной. – Нормально живут, малость нищенствуют, но это – как у всех. Бандитов и ворья, правда, не в какие ворота – на вокзале чуть кошелек не отработали...

– Так, времена такие, без нас – никуда! Менты бездельничают, нам за них все решать приходится! – рассмеялся Андрей.

– Угу ... – лишь пробурчала я в ответ.

В следующие минуты, делясь последними новостями, и дружески подшучивая друг над другом, мы обогнули здание вокзала и оказались на стоянке.

– Смотри – моя ласточка – бумер! Позавчера приобрел! – гордо произнес мой спутник, указывая на БМВ третьей модели.

– Купил или отжал? – ухмыльнувшись, я смерила собеседника недоверчивым взглядом.

– Понимаешь, там такая схема ...коммерс один, он нам денег должен был...

– Понятно все, можешь не продолжать... – перебила я его, садясь в машину.

– Знаешь, Аня, а у тебя гости, – загадочно сказал Андрей, когда мы уже тронулись в путь.

– Какие такие гости? Чего ты гонишь! – возмутилась я.

– Такие, – Андрей провел пальцем по мочке своего уха. – Метр семьдесят – метр семьдесят пять ростом. Черные волосы. Одет по-лоховски.

– Что ты такое говоришь? – я ударила его локтем в живот, – ну-ка, рассказывай все ладом!

– Ладом, так ладом. Ты уехала, а через пару дней этот хмырь у вас дома и появился. Живет – не тужит. Вечером в магазин с бабушкой под ручку ходит. Днем снег убирает со двора, – в голосе Андрея звучала легкая издевка, но в целом я поняла, что он говорит правду. – Когда пацаны сказали, мне интересно стало, конечно, – приехал, посмотрел. Хотел потолковать с этим «оленом», да из уважения к тебе... вдруг ты хахаля себе завела?

– Какой хахаль! Поехали скорее, задолбал ты уже своими сказками!

Когда мы подъехали к дому, я, быстро попрощавшись с Андреем, устремилась к входной двери. Провозившись несколько секунд с замком – ключ никак не хотел попадать в скважину, я вошла внутрь.

– Как дорога, Аня? Замерзла, небось? Проходи чай будем пить, – навстречу мне вышел дед и заботливо помог раздеться.

– Ну, давай, рассказывай, – сказала я, попивая душистый чай с клюквенным вареньем, когда мы уже расположились за столом. – Кто это такой? Где он?

Дед удивленно посмотрел на меня, подняв бровь.

– Как, кто такой? Ты внученька не темни! Жених твой нам очень понравился – интеллигентный, заботливый – выбор твой одобряем. Не то, что бандюганы эти ...чтоб их нечистая побрала! Молодец, что за ум взялась! ... Ты допевай чай, они скоро придут – с бабкой до рынка пошли.

– Жених?! – мой голос забрался на самые высокие ноты.

– Да, доченька, он и фотографии показывал, – я увидела, как дед, почувствовав, наконец, неладное, начал темнеть лицом. Мысленно проклиная себя, я решила умерить свои эмоции.

– Вот, Аня, смотри, – дед дрожащими руками протянул мне черно-белое фото с моей летней поездки на Украину – я в обнимку стояла с невысоким черноволосым парнем. «Вот ведь, Валентин – сука, какая! Не, ну так-то четкий заход – надо отдать парню должное!»

– А, этот Ну, мне и не думалось, что у нас все так серьезно, – я начала играть роль. – Ты дедуля не волнуйся, он действительно хороший парень, просто... мы решили проверить свои чувства... не было у нас договоренности конкретной ... но, видимо, он без меня не может.

– Правильно – не может. Мы старики многое в жизни повидали, нас не обманешь. Любит он тебя дочка, как за каменной стеной за ним будешь, – дед расслабился, на лице его появилась улыбка.

Вскоре в дверь позвонили. Я пошла открывать. На пороге стоял Валентин (парень с фотографии) и моя бабушка.

– Приехала! – Валентин, как ни в чём не бывало, кинулся ко мне.

Уклонившись от поцелуя в губы, я подставила ему свою щеку, а когда он разделся, произнесла:

– Нам с Валечкой очень многое обсудить нужно, мы вас оставим не на долго... – моя рука крепко схватила «жениха» за запястье, увлекая его в дальний конец дома.

Как только за нами закрылась дверь моей комнаты, я сильно толкнула самозванца в грудь обеими руками:

– А ты, парниша, не охренел ли?! Совсем рамсы попутал?! Чтоб завтра твоего духу здесь не было! У вас там что, все такие – с прибабахом?! Ты чего себе напридумывал?! Ну сходили пару раз общей компанией на вечеринки, сфотографировались в обнимку. Мы с тобой даже не целовались! Я перед собой честна – поводов тебе не давала! Ты совершенно не в моем вкусе. Знаешь, какие здесь за мной парни ухаживают? Мне сейчас только свистнуть... Уезжай, добром прошу.

Все время, пока я говорила, Валентин смотрел мне в глаза. В его взгляде не было наглости, не было страха – только нежность и какая-то взвешенная уверенность. Выждав, когда мой запал начал сходиться на нет, он произнес:

– Претензии принимаются. Угрожать мне не надо... Да, действительно, у нас ничего не было, но ...как только я тебя увидел, сразу решил, что ты будешь моей женой. Да...все как-то... сумбурно вышло... Понимаешь, у меня другого шанса то и не предвиделось! Ты полюбишь меня...я для тебя все сделаю... я еще на Украине увидел ... тебе это тоже нужно!

В процессе его монолога я уже заготовила было ответную тираду, но после его окончания, желание дальнейшего выяснения отношений прошло. Мне подумалось, что, если парень пошел на такой шаг, значит, одной женской истерикой так просто дело не поправить.

– Значит, не уедешь? – спросила я спокойным, даже безразличным тоном.

– Нет, Аня – только с тобой.

– Хорошо, ты подожди здесь, мне нужно с родными переговорить.

– Переговори, – сказал Валентин, глядя на меня, все с той же непробиваемой уверенностью.

Выйдя из комнаты, и закрыв за собой плотно дверь, я прошла на кухню, где старики продолжали чаёвничать.

– Значит, так, – я сразу взяла быка за рога. – Свадьбы не будет – мы не сошлись по ключевым жизнеполагающим вопросам. Я сейчас уйду к подруге. Послезавтра вернусь. Надеюсь, Валентина здесь не будет. Он действительно хороший парень, но... мы слишком разные.

После моих слов повисла долгая пауза, а потом дед совершил то, чего я от него никак не ожидала – мощный удар кулака обрушился на стол, так что подпрыгнули чашки и зазвенела посуда в шкафу.

– Значит так, доченька! Вымётывайся, куда хочешь! Ты нас своими блядками скоро в могилу сведешь! Уже мимо соседей пройти просто так нельзя! Валентин будет жить здесь столько, сколько захочет! А ты можешь не возвращаться!

– Это ... ты зря про меня так думаешь... зря так сказал... – еле сдерживая слезы, я метнулась в коридор. Затем запрыгнула в ботинки, схватила шубу и выбежала на улицу...

Плотные клубы выхлопных газов, превращаясь в пар, окутывали машину. На улице было минус двадцать пять. Я сидела в салоне автомобиля, стоявшего возле подъезда моей подруги. За рулем находился Андрей.

– Я замуж выхожу...

– Наверное, к лучшему... – Фитиль потянулся за сигаретой.

– И это все, что ты можешь сказать?

– Да, Анюта, пожалуй, все...

– Козел, – меланхолично произнесла я.

– Дура, – с той же интонацией ответил он.

– Хорошо ... Чтобы все от меня отстали – поставлю галочку, схожу в ЗАГС. Поживу пару месяцев, а потом скажу, что не сложилось. Стану разведенкой. Вот тогда, дорогой, ты от меня никуда уже не денешься! Нестрёмно будет потом со мной жить? Для тебя себя берегла...

– Нет, Аня, нестрёмно... странно, конечно, что так получается – думал, ты по любви выйдешь, а ты, один хрен, на мне залипла. Но, пусть так ... а дальше... будет дальше...

Свадьба состоялась через месяц. Народу набралось больше ста человек. Существенную часть тусовки составляла веселая, беспокойная команда моих вновь приобретенных украинских родственников. Финальная часть спектакля прошла в одном из лучших ресторанов города – мои ребята не поскупились на подарок.

В этот день я с самого утра находилась в странном состоянии. Нет, внешне я вполне держала подобающую невесте маску – улыбалась, шутила, танцевала... Но внутри, мне казалось, что все это происходит с кем-то другим. Что на сцене дергается на ниточках почти не имеющая ко мне отношения кукла – марионетка в белом платье.

К 12 часам ночи праздничное событие, как положено, было разбавлено чередой пьяных драк. Только на это раз они приняли некоторый этнический оттенок – разрыв крепкой, славянской дружбы ознаменовался криками: «Кляти москали! Мочи хохлов!».

Впрочем, о подробностях окончания банкета я узнала потом – к этому времени мы с Валентином уже находились в постели, переходя к главной части свадебного ритуала. Запомнилась мысль, которая не покидала меня на всем протяжении утомительного брачного акта: «Чем я лучше Илоны? ... Вот так, практически с первым встречным».

Глава 5. По жизни с комсомолом!

Душный вечер распластался над окрестностями города. Казалось, ультимативное, давящее безветрие проникает даже сквозь барьеры надсадно гудящих кондиционеров.

Ещё час назад горизонт грезил тёмно-лиловыми тучами, сулящими хотя бы кратковременную грозовую прохладу. Но, как часто бывает, ветреная, во всех отношениях, погода сначала одарила землю многообещающей улыбкой дождя, а потом легкомысленно передумала.

Когда напольные, антикварные часы возвестили своим боем, что наступило восемь вечера, немного располневший, молодой мужчина оторвался от кипы бумаг, раскинувшихся по всей поверхности дубового стола, и откинулся в глубокое начальственное кресло. Несмотря на тяжелый день, легкая улыбка блуждала по его лицу. Он был молод, здоров и, по провинциальным меркам, богат. Не то, чтобы «владелец, заводов, шахт, пароходов», но кабинет, в котором он располагался, являлся лишь небольшой частью административного здания принадлежащего ему мясокомбината.

Ничтожнейшая часть его сверстников могли похвастаться такими достижениями к своим тридцати годам. И хотя природа всегда была милостива к нашему герою, наделив его феноменальной памятью, хорошими организаторскими способностями, приятной внешностью и острым умом. Но, надо отдать ему должное, причину своего успеха он видел не только в этом – многие из его товарищей, активистов-комсомольцев, на рубеже 90-х кинулись в мутные воды бизнеса, нырнули с головой и не всплыли.

Просто так совпало, что именно на нем тогда остановили свой выбор старшие товарищи по партии. Они на первых порах помогли ему со средствами и подсказали, где и что плохо лежит на бескрайних просторах постсоветского хозяйства. На него поставили, и он не подвел!

События 1991 года при всем желании трудно назвать революцией. По сути, это был переворот. Переворот сверху, когда наиболее дальновидные партийцы решили, что имеющуюся политическую власть не плохо бы конвертировать во власть денег – гораздо более надежную.

«Мне бы понедельник взять да отменить! Особенно те из них, что выпадают на первый день после отпуска!» – мужчина в кресле закинул руки за голову и закрыл глаза. Ему представились пляж, море... бесконечный пляж, растворяющийся в бескрайнем море...

Раздавшийся телефонный звонок выдернул его из мира тайских грёз.

– Вера! Я же говорил, ни с кем меня не соединять! – он раздраженно поднял и тут же положил трубку телефона. Через пару секунд цокот каблучков предвосхитил появление взволнованной секретарши. Она нервно улыбнулась и привычно, на автомате, застыла в «модельной позе», демонстрируя глубокое декольте блузки.

– Вадим Михайлович, я говорила, что вы заняты, но думаю вам лучше поговорить, – Вера споткнулась на полуслове и начала тереть ладошки, как будто скатывая пластилиновый шарик.

– Кто там? СЭС? Налоговая? Менты?

– Нет, там, похоже, наоборот, – вновь зазвонивший телефон не дал ей договорить.

– Слушаю, – Вадим взял трубку и махнул секретарше рукой, чтобы та удалилась.

– Са-лют, ком-со-мол! – на другом конце провода прокуренный голос вальяжно растягивал слога.

– Представьтесь, пожалуйста! – голос Вадима перешел в формат жестких деловых переговоров.

– Э... братуха... своих уже не узнаешь – не хорошо так, друзей старых забывать. А я, вот, все пять лет только о тебе и думал. Просыпаюсь и сразу же мысль первая: «Как там Каминский? Все ли у него хорошо?»

– Ты....

– Ну, вот – молодец. Все вспомнил? – голос собеседника приобрел мягкие вкрадчивые интонации.

– Ты все неправильно понимаешь. Это не я был, – лицо Вадима покрылось липкой испариной.

– Ты, не ты.... Вот с делами разгребусь – приеду, потолкуем, раскинем по мастям... – гудки телефона возвестили, что разговор окончен.

Вадим с размаху кинул трубку, так что пластмассовая закорючина аппарата покрылась трещинами. Затем выдвинул ящик стола, взял серебряный колокольчик и резко затряс рукой.

Вскоре, в ответ на мелодичный звон, в кабинет, все тем же модельным шагом, вошла Вера, защелкнув за собой дверной замок. Ее волосы, прежде забранные в пучок, были распущенны.

Вадим указал на середину ворсистого ковра, раскинувшегося перед столом. Секретарша, молча, надела офисные очки и встала на колени. Мужчина подошел к ней, расстегивая ширинку и по-хозяйски схватил в пригоршню облако волос на затылке девушки.

«Умница! В этих очках ты так похожа на мою учительницу по географии», – думал он, смотря сверху вниз прямо ей в глаза через прозрачную слюду линз...

– Возьми, это тебе за переработку в вечернее время, а то муж злющий, наверное, – скинув нервное напряжение привычным для себя способом, Вадим рассеяно улыбнулся и протянул Вере конверт.

Секретарша, так и не издавая с момента появления в кабинете ни одного членораздельного звука, молча кивая, взяла деньги и ушла. Вадим вернулся к столу, сел и вновь откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. В этот раз он видел вовсе не такую благостную картину – море и пляж были безвозвратно поглощены совершенно другими декорациями. Ему представлялся прокуренный офис в старом полуподвальном помещении, в углах свалены коробки с оргтехникой. Вадим сидел за дешевым пластмассовым столом, с боку на потертом диване располагались двое коротко стриженных парней в кожаных куртках – казалось, что все это было в другой жизни... В тот день, шесть лет назад, Вадиму представлялось, несмотря на низкие свинцовые тучи над головой, несмотря на пробки заснеженных улиц, боги открыли ему очередной кредит в небесном банке. С утра позвонил его московский партнер и сказал, что новая партия оргтехники успешно растаможена. Вадим с ним работал уже целый год и был несказанно рад, что москвич согласился отдать компьютеры на реализацию. Потом пришло сообщение на пейджер от Светланы – девушки, расположения которой он добивался уже не один месяц: вздорная представительница богемы (журналистка, пишущая неплохие стихи), наконец, созрела для совместного посещения ночных заведений. Все это приятно плюсовалось к тому, что сегодня был его День рождения. Оставалось заехать ненадолго в офис – дать мелкие поручения сотрудникам, строго сверкнуть глазами, чтобы не расслаблялись без начальственного ока. А потом можно было спокойно готовиться к вечернему общению с поэтессой, плавно перетекающему в празднование именин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.